

уровня технических правил процедуры и тем более не отрицаем характера регулируемых правом общественных отношений как критерия разграничения отраслей права, а всегда подчеркиваем, что упрочение социалистической законности связано со всесторонним исследованием особенностей правового регулирования общественных отношений, лежащих в основе предмета регулирования процессуального права, независимо от того, о какой отрасли права идет речь.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. 2. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., 1975. 3. *Горшенев В. М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. 4. *Давв В. Г.* Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. 5. *Елисейкин П. Ф.* Предмет процессуально-правового регулирования и понятие процессуальной нормы // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977. 6. *Каминская В. И.* Уголовно-процессуальный закон // Демократические основы советского социалистического правосудия. М., 1965. 7. *Краснов Н. И., Иконникова И. А.* Процессуальные вопросы советского земельного права. М., 1975. 8. *Лучин В. О.* Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. 9. *Основные направления развития гражданского процессуального права // Проблема защиты объективных прав и советское гражданское судопроизводство.* Ярославль, 1978. 10. *Рабинович П. М.* Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975. 11. *Сахаров П. Д.* Еще раз о земельном процессе в СССР // Сов. гос-во и право. 1971. № 9. 12. *Сорокин В. Д.* Административно-процессуальное право. М., 1972. 13. *Сорокин В. Д.* Проблемы административного процесса. М., 1968. 14. *Строгович М. С.* Природа уголовно-процессуального закона и его характерные черты // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. 15. *Фогель Я. М.* Процессуальные отношения в пенсионном обеспечении // Сов. гос-во и право. 1971. № 8. 16. *Юридическая процессуальная форма: теория и практика.* М., 1976.

Поступила в редколлегию 06.06.86

С. Д. ЦАЛИН, канд. филос. наук

ХАРЬКОВ

К АНАЛИЗУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ТЕОРИИ ДЕТЕРМИНИЗМА И СВОБОДЫ ВОЛИ СУБЪЕКТА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии уделено значительное внимание как теоретическому, так и практическому аспектам деятельности партии и государства, направленным на углубление прав и свобод граждан, поднятие активности трудящихся в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых болезненных явлений, отступлений от норм нашего права и морали [1, с. 61]. Выявление специфики отражения проблемы детерминизма и свободы воли личности в праве актуально и существенно для правовой теории уже потому, что презумпция свободы воли и свободы выбора является предпосылкой решения ряда вопросов, таких, как правовая активность и ответственность лично-

сти, вина, наказание, и других, важных не только в теоретическом плане, но и в правоприменительной практике и правовом воспитании трудящихся.

Такая точка зрения ясно выражена и в работах советских криминологов. Н. Ф. Кузнецова указывает, что субъективная детерминация общественного сознания «лежит в основе свободы воли, вины и ответственности человека и социальных групп за их поведение» [6, с. 23]. Представление о преступнике как о человеке, сознательно, по собственной воле совершающем преступление, существенно и для уголовного права, поскольку служит субъективным основанием уголовной ответственности [11, с. 84]. Однако, несмотря на указания классиков марксизма-ленинизма на правомерность постановки вопроса о свободе воли, некоторые современные философы, психологи, юристы отрицают его значимость, отождествляя его с идеалистическими концепциями индетерминизма и волюнтаризма. Так, Н. М. Амосов считает проблему свободы воли надуманной [2, с. 220]. Учебник общей психологии под редакцией А. В. Петровского также ориентирует лишь на негативное отношение к данной проблеме. Неудивительно, что и некоторые юристы нередко проявляют скептицизм по отношению к вопросу о свободе воли. Характерным примером может служить позиция А. И. Санталова, который полагает, что «если поступки человека с необходимостью вытекают из внешних и внутренних условий, порождены ими, то это не означает фатализма, хотя и исключает «свободу выбора», независимость выбора поведения от внутренних условий» [8, с. 122; 10, с. 18—26]. Подобный взгляд более близок к материализму механистическому, чем к диалектическому. Поступки человека далеко не всегда «вытекают с необходимостью», и конкретным подтверждением являются и *нормальная*, соответствующая объективным законам природы и общества деятельность, и деятельность *противоправная*. Имеются в виду знакомые каждому ситуации (выбор профессии, места работы, спутника жизни и т. п.), когда свободно сделанный выбор не укладывается в рамки рационализированных обоснований и тем не менее оказывается оптимальным, соответствующим и общественной и личной потребности. Тем более явным аргументом в пользу наличия свободной воли является посягательство на общественный порядок и интересы других граждан у лиц с отклоняющимся поведением. Мы полностью солидарны с Р. А. Гальцевой, которая пишет: «Проблема свободы воли выступает прежде всего как практическая проблема — в связи с вопросом об ответственности человека за его действия» [4, с. 546]. И все же ряд юристов, обращаясь к категориям свободы и свободы воли, ставят вопрос: допустимо ли и, если допустимо, то в какой мере можно рассматривать общественно опасные действия как проявление свободной воли?

Д. А. Керимов считает, что субъект отклоняющегося поведения, действующий в противоречии с исторической необходимостью, воплощенной в правовых нормах социалистического общества,

действует несвободно, а поэтому объяснение ответственности как следствия свободы воли неправомерно [5, с. 464]. Другие, И. С. Самошенко и М. Х. Фарухшин, полагают, что противоправное поведение субъекта является свободным, но при этом, по их утверждению, понятие свободы в теории права не тождественно понятию свободы как категории исторического материализма [5, с. 465—468]. Наконец, С. Б. Волковым высказано мнение, что общественно опасное поведение есть особая, специфическая форма реализации свободы, которая вполне входит как частный случай в содержание соответствующей философской категории [3, с. 130]. Как видим, у советских юристов имеется несколько альтернативных обоснований проблемы детерминизма и свободы воли.

Приведенные точки зрения свидетельствуют об особой остроте методологической проблемы преломления философских категорий свободы, свободы воли, свободы выбора в правовой теории. Сложившаяся гносеологическая ситуация есть разновидность типичного отношения, которое возникает между философскими и частнонаучными подходами в решении стыковых вопросов. В рассматриваемом случае проблема относится к области философских вопросов права, которые, не являясь непосредственно ни предметом исследования философии, ни тем, что полностью лежит в границах правоведения, принадлежат одновременно и философии и праву. Поэтому стыковые проблемы философии и права стали источником получения нового знания как философами, так и юристами.

Попытка осмыслить собственную проблематику права с применением категорий материалистической диалектики уже стала нормой и осознанной потребностью. Вместе с тем следует отметить, что далеко не всегда применение философского категориального аппарата к анализу правовых явлений оказывается последовательным и эффективным. Н. Ф. Кузнецова на примере криминологии объясняет это тем, что многие спорные положения либо обусловлены недостаточным усвоением марксистско-ленинской методологии, либо отражают дискуссионность и нерешенность философских вопросов, либо связаны с попытками конструирования «собственно криминологических» закономерностей, которые не согласуются с учением о них в материалистической диалектике [6, с. 7].

Анализируя взгляды советских юристов на исследуемую проблему, Д. А. Керимов приходит к выводу, что ни одна из предложенных теоретических конструкций противоправного поведения субъекта, обладающего правовыми обязанностями, свободой воли и ответственностью, не выдерживает критики. Однако ход рассуждений Д. А. Керимова также не безупречен. «Если предположить, что человек действует во всех случаях свободно, проявляет свою свободную волю, то тогда-то именно и получается парадоксальная картина, исключаяющая его ответственность, ибо за свободу в социалистическом обществе не судят» [5, с. 468]. Думается, что, во-первых, вряд ли кто из современных марксистских фило-

софов и теоретиков права полагает, что «человек действует во всех случаях свободно» (курсив наш.—С. Ц.), и тем самым абсолютизирует свободную волю. Во-вторых, Д. А. Керимов допускает подмену понятия свободного волеизъявления неконкретизированным понятием «свобода» в выражении «за свободу в социалистическом обществе не судят». Уместно спросить, за какую свободу не судят в социалистическом обществе? Если под «свободой» Д. А. Керимов подразумевал свободу воли, то тогда его высказывание имеет значение, прямо противоположное сделанному автором выводу, а именно — как раз *только* за злонамеренную свободу воли судят в социалистическом обществе. Мы присоединяемся к точке зрения А. М. Яковлева, который пишет: «...с позиций уголовного права преступление не просто проявление «свободной» воли, но «*проявление злой воли*». <...> Преступник — это, во-первых, лицо, обладающее свободой выбора линии поведения (свободой воли) и, во-вторых, совершающее выбор из эгоистических интересов, сознательно принимающее отрицательное решение» [11, с. 85]. Очевидно, выделение в свободе воли в качестве ее видов «злой», а значит, и «доброй» воли позволяет не только эксплицировать этическую и правовую сторону ее противоположных форм, но и глубже понять ее содержание как категории философии и права. Поэтому уместно, продолжая заложенную еще Демокритом и возобновленную Марксом материалистическую традицию, ввести в теоретический оборот различие «доброй» и «злой» воли, конкретизирующее родовое понятие «свободы воли». На уровне личности эти противоположные в правовом и шире — в социальном смысле определения свободы воли находятся в диалектическом единстве. Мера сосуществования и конфликта указанных противоположностей определяется в конечном счете степенью сознательного самопреодоления личностью асоциальных ориентаций и способа самореализации в практической деятельности. Самопреодоление «злой воли» связано с формированием личной ответственности, различные социальные формы которой (ответственность перед обществом в целом, трудовым коллективом, семьей, перед самим собой) детерминируют выбор согласованного с правовыми нормами поведения как наиболее адекватного способа разрешения противоречия между личными и общественными интересами и потребностями в условиях социалистического строя.

Представляется, что *свобода воли* есть субъективная способность самодетерминации общества, отдельного класса, социальной группы или индивида в соответствии с их потребностями и интересами. Ее объективными условиями является *поле свободного выбора*, образованного качественно отличной от трехмерной природной, «многомерной пространственной структурой» [7, с. 11], включающее многообразие социальных, деятельностных, практических возможностей.

В нашем понимании свобода воли, проявляемая правонарушителем, есть не просто деформация исторической закономерности, но вместе с тем исторически детерминированное явление, выступаю-

щее в качестве реального негативного двойника позитивного процесса расширения действительной свободы воли человека. Высказанное нами соображение о двойственном характере свободы воли личности на современном этапе развития социалистических общественных отношений существенно дополняет общий ход рассуждений Д. А. Керимова и обеспечивает необходимую для них логическую связь. Ведь нередко человек физически свободен делать (а правонарушитель и делает) именно то, что законами запрещается. Совершая свой выбор между допустимым с точки зрения права и противоправным действием, он имеет перед собой *реальные*, а не идеальные альтернативы, с анализа которых и необходимо начинать исследование отклоняющегося поведения. Одной из существенных причин антиобщественного поведения является, на наш взгляд, *реальное противоречие* между прогрессивной социалистической общественной тенденцией и регрессивной, унаследованной от досоциалистического общества, индивидуалистической направленностью воли отдельных лиц, злоупотребляющих предоставленной обществом возможностью реализовать их свободную волю. Это противоречие в отдельных случаях может доходить и до антагонизма. Вполне справедлива характеристика самосознания лиц с отклоняющимся поведением, данная Л. В. Скворцовым: «Для индивида, представляющего себя в качестве абсолютного центра, по отношению к которому весь окружающий социальный мир «выстраивается» как средство для осуществления его субъективных целей, внутренне оправданно любое действие которое ведет к осуществлению его желаний и целей. Это нравственно-невежественный индивид, субъективно воспринимающий свое невежество как моральную свободу» [10, с. 152]. Уточним: не просто «нравственно-невежественный», но и «социально-невежественный» индивид, не считающийся с тем, что в социалистическом обществе «наше» слагается из каждого отдельного «моего», что «моя свободная воля» является частицей «нашей свободной воли», а не ее абсолютной противоположностью. Преобладание эгоистических интересов в структуре ценностных ориентаций у таких индивидов приводит к воспроизводству форм свободы воли свойственных досоциалистическим общественным отношениям. Речь идет главным образом о буржуазной форме свободы воли, хотя влияние отживших обычаев и религиозных норм на некоторых лиц заставляет вспомнить даже о феодальной ориентированности свободы воли. Появление подобных социально-невежественных индивидов обусловлено не только психологическими пережитками прошлого и влиянием капитализма, но и недостатками в идеологическом воспитании, а также некоторыми негативными тенденциями экономического и социального развития, на которые с принципиальной прямотой указано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.

Список литературы: 1. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 2. Амосов Н. М. Моделирование мышления и психики. К., 1965. 3. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. М., 1965. 4. Гальцева Р. А. Свобода

воли. *Философская энциклопедия*. М., 1967. 5. Керимов Д. А. *Философские проблемы права*. М., 1972. 6. Кузнецова Н. Ф. *Проблемы криминологической детерминации*. М., 1984. 7. *Методологический анализ историко-философского знания*. К., 1984. 8. Санталов А. И. *Уголовная ответственность и «свобода воли»* // *Вестн. Ленингр. ун-та*, 1968. № 5. 9. Санталов А. И. *Теоретические вопросы уголовной ответственности*. Л., 1982. 10. Скворцов Л. В. *Субъект истории и социальное самосознание*. М., 1983. 11. Яковлев А. М. *Теория криминологии и социальная практика*. М., 1985.

Поступила в редколлегию 21.07.86

В. С. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИНИЦИАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В последние годы все чаще обсуждается вопрос о «пусковом механизме» различных видов юридического процесса, в том числе и уголовного [1, с. 18—30; 4, с. 110; 5, с. 74; 6, с. 5]. Хотя ни один из авторов не дает определения «пускового механизма» процесса, все же из приводимых ими пояснений понятно, что в данном случае имеется в виду то, что порождает соответствующий процесс, т. е. конкретный фактор, обуславливающий начало процессуальной деятельности, которая и образует содержание исходного момента юридического процесса.

Заметим, что обращение ученых к исследованию механизма возникновения юридического процесса заслуживает одобрения, ибо речь в этом случае идет об изучении одной из закономерностей функционирования советской процессуальной системы. Однако попытка решить данный вопрос на основе технической терминологии обречена на неудачу. Это и понятно, ибо избранный подход к исследованию социальных явлений не оправдан методологически. Социальные явления не только не тождественны механическим, но и мало имеют общего с ними. Им присуще такое многообразие свойств, которое не может быть описано и самой современной технической терминологией. Здесь требуется адекватный, т. е. соответствующий природе изучаемого явления, понятийный аппарат. Таким и является категориальный аппарат марксистской диалектики и современного правоведения.

При этом важно учитывать, что любой юридический процесс начинается по чьей-либо инициативе. Вне или помимо инициативы конкретных лиц, учреждений, предприятий или организаций ни один процесс возникнуть не может. Если отмеченное обстоятельство является закономерностью, то в процессе познания оно не может игнорироваться. Именно с этого обстоятельства и следует начинать анализ изучаемого явления. Так, отражая реально существующий факт, возникает проблема инициации юридического процесса, которая имеет непосредственное практическое значение и поэтому заслуживает самостоятельного теоретического исследования.